
А.А.Слинько

Новые горизонты левой ПОЛИТИКИ

Rasgos y perspectivas de la nueva izquierda en América del Sur: partidos políticos y movimientos sociales. — Homo Sapiens Ediciones; 1a Ed. Edition. Rosario, 2013, 144 p.

В рецензии рассматривается сборник статей, посвященных анализу особенностей новых левых движений и партий в Латинской Америке, в частности, в Аргентине и Уругвае.

Ключевые слова: политические партии, социальные движения, прогрессизм, постнеолиберализм, электоральные практики.

Книга, изданная в Аргентине под редакцией известного ученого Артуро Фернандеса, представляет собой сборник концептуальных статей о перипетиях эволюции левых сил стран Южного конуса в XXI в. Она открывается материалом «Социальные и народные движения в современной латиноамериканской жизни. Новая проекция политики», написанным редактором. Автор отмечает, что неолиберальная политика в 90-е годы («забытое десятилетие») утвердила политическую демократию без социальной справедливости, а эта ситуация означала, по сути, нестабильность, если не кризис в социальной жизни.

Наступление демократии в 80-е годы означало факт неспособности авторитарных государств противостоять

проблемам, проистекавшим из структурного кризиса, но при этом крупные народные движения, не приспособившиеся к демократической системе, были существенно ослаблены.

А.Фернандес подчеркивает различие между национализмом на Западе — во много элитарным — и национализмом в странах Латинской Америки — конструктивным и рациональным (от Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA) — до перонизма). Исследователь приходит к важному выводу, что партии прошлого века не смогли консолидировать народные интересы, что привело к «социальной дезинтеграции». При этом возникшие то-

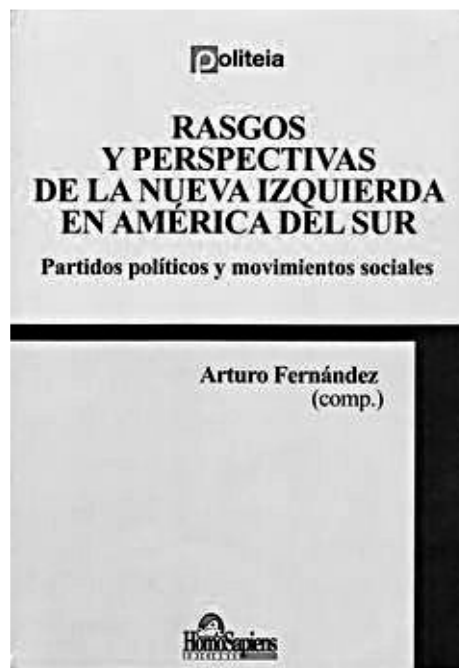
Александр Анатольевич Слинько — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета (aleksandr_slinko@mail.ru).

гда (в 80—90-е годы) социальные движения также не смогли достичь этого.

А.Фернандес подчеркивает, что XXI в. был отмечен новыми социальными движениями, из которых следует выделить следующие: 1) наиболее структурированный из них — синдикализм; 2) феминизм, который ни в одной стране не структурирован в сильную организацию, но тем не менее активен в борьбе за политические права женщин; 3) движения за права человека, расследующие преступления, совершенные в годы военных диктатур, и сталкивающиеся при этом с величайшими трудностями; 4) с таким же трудом осуществляет свою деятельность экологическое движение, что отражено в создании собственно зеленых партий и в программах приходящих к власти правительств.

Кризис традиционных левых отразился в эволюции нового синдикалистского движения в Боливии. Автор отмечает, что «это движение создало политическую партию Движение к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS), которая явилась попыткой восстановить партийную систему, потерявшую влияние из-за неэффективности, коррупции и неспособности сформировать стабильную демократию» (р. 31). По мнению А.Фернандеса, правительство MAS пытается заново основать боливийское государство, трансформировав его в многонациональную общность, суть которой — выражение интересов разных наций и этносов, при этом во многом копируется модель ЮАР (страны, где сосуществуют десять официальных языков).

Рассуждая о политическом развитии современной Венесуэлы, главную заслугу Уго Чавеса автор видит в попытке преодолеть последствия неэффективного использования нефтедолларов, что привело в 90-е годы к народному восстанию — «Каракасо», повлекшему за собой гибель сотен венесуэльцев. Чавес смог организовать маргинальные слои населения в «реальный социальный

режим», тем самым создав «базу поддержки» «боливарианской революции».

Особо аргентинский ученый отмечает символическую роль тандема «Лулы — социалиста с низким уровнем образования и женщины-партизанки Дилмы». Во время их правления Бразилия была преобразована в великую державу, основанную на социальных соглашениях, неслыханных в истории региона (включение широких слоев рабочего класса в средний класс). С точки зрения автора, слабость созданной ныне системы состоит в том, что за пределами этих соглашений остались безземельные крестьяне, составляющие основу сельских движений.

По мнению А.Фернандеса, решающую роль в мобилизации хустисиалистского движения после смерти Нестора Киршнера сыграла молодежь, выступления которой «возродили веру в политическую активность как форму социального служения» (р. 33), при этом нынешнее гетерогенное перонистское движение имеет традиционную синдикалистскую базу и пользуется

поддержкой многочисленных территориальных организаций.

Касаясь ситуации в Эквадоре, автор отмечает, что «полная потеря престижа традиционными партиями привела к сплочению различных движений вокруг харизматического лидера президента Корреа», который воспользовался «программой социального включения» президента Чавеса (р. 33).

В заключение статьи А.Фернандес отмечает, что действия различных социальных движений поставили проблему социальной несправедливости в повестку дня Южной Америки, а это позволило возродить надежду, почти потерянную в 90-е годы, на то, что жертвы, отданные в этой борьбе, не были напрасны.

В статье «Киршнеризм и перонистский синдикализм» Эстебан Иглесиас отмечает, что во время правительств Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер имел место сценарий «возрождения профсоюзного движения», причем это возрождение началось с первых дней правления Н.Киршнера. Традиционное взаимодействие перонистской партии и перонистского синдикализма во второй половине 80-х годов XX в. было нарушено. Именно Киршнеру, который нуждался в 2003 г. в быстром электоральном успехе, удалось начать «строительство широкой основы народной поддержки», включившей профсоюзы. Период взаимодействия с «народным сектором», был, однако, прерван конфликтом с организациями сельских трудящихся. Новый этап политики хустисиализма начался в 2011 г., когда «молодые» высшие партийные иерархи отодвинули традиционных синдикалистских лидеров на второй план.

Анализируя глубинные причины деградации отношений между партией и профсоюзами, автор отмечает нарастающую «волатильность голосования со стороны значительной части электората» (р. 61). «Различие политических

идентичностей», по мнению Э.Иглесиаса, «образовало активное политикосиндикалистское пространство и выразилось в гетерогенности коллективистских стратегий для ответов на вызовы, которые позволили двигаться вперед» (р. 62). Стратегии профсоюзов, особенно во времена Карлоса Менема, все больше приобретали «предпринимательские черты» (р. 62). При этом повсеместно отмечался процесс меркантилизации корпоративизма (р. 63).

В условиях сильной диверсификации и фрагментации профсоюзного движения киршнеризм предпринял попытку объединить электорат и народ под лозунгами, направленными против сверхнеоконсерватизма 90-х. Конструировался собирательный образ врага аргентинского народа, включавший вооруженные силы и военных вообще, Международный валютный фонд и транснациональные корпорации, что в конечном счете привело к повороту левых сил в сторону нового перонизма.

Характерно, что тактика тотального объединения всех сил, недовольных политикой 70—90-х годов, работала без срывов до 2007 г. Ее кульминацией стало образование «Concertación Plural», объединившей в рамках президентских выборов К.Фернандес де Киршнер и представителя Гражданского радикального союза Хулио Кобоса. Однако после «аграрного конфликта» 2008 г. произошел сбой: попытка Н.Киршнера опереться на столичный партийный аппарат привела к его поражению на парламентских выборах от Франсиско де Нарваэса в Буэнос-Айресе. Как ни странно, это поражение консолидировало партаппарат, который теперь выступал «не как демократическая сила, а как партийное движение, способное объединить разные политические идентичности и включить в себя различные оттенки перонизма». Смерть Н.Киршнера только придала этому процессу «эпический характер» (р. 67).

Усилия Н.Киришнера были направлены на восстановление единства рабочего движения. В частности, в 2004 г. было восстановлено единство Всеобщей конфедерации труда (Confederación General del Trabajo de la República Argentina, CGT), а с 2005 г. главный профцентр страны возглавил Уго Майано — лидер влиятельного профсоюза водителей грузовиков. У.Майано попытался усилить политическую роль профсоюзов на первом этапе работы аргентинского правительства (при Н.Киришнере и первом президентском сроке К.Фернандес де Киришнер эта политика удалась): «перонистские профсоюзные лидеры должны занимать определенное место в политическом пространстве, возглавляемом К.Фернандес де Киришнер» (р. 75). Как справедливо отмечает исследователь, впоследствии Майано предпринял попытки, во многом неконструктивные, синдикалистского проникновения в политическую сферу. Автор приходит к следующему выводу: профсоюзы остаются без поддержки в те моменты, когда слабеет влияние партии и когда они особо нуждаются в этой поддержке. При этом власть правительства возрастает, а профсоюзам приходится целиком полагаться на гражданское общество и его организации. Будущее перонистского синдикализма в этих условиях остается неопределенным (р. 75).

Статья А.Галло и Х.Марлетты называется «Правящие партии в прогрессистскую эру. Особенности адаптации и внутренней организации. Случаи Фронта за победу и Широкого фронта». Она посвящена сравнительному анализу политических процессов в Аргентине и Уругвае через призму деятельности левоцентристских правящих партий.

Авторы обращают внимание на разнообразие оценок правящих левых режимов в научной литературе. Отмечается наличие двух левых тенденций: одной — радикальной и популистской и второй — прагматической и институ-

ционалистской. При этом второе направление часто характеризуют как «популистский тренд vs неолиберальной политики» или «обновление vs традиционной политики».

Авторы отмечают, что углубление современной демократии развивается в двух направлениях: во-первых, это совершенствование представительной демократии, а во-вторых — оживление и активизация гражданского общества (р. 82).

Уругвай и Аргентина дали пример укрепления институциональных трансформаций, осуществленных двумя организациями, обладающими «контрастными характеристиками», — аргентинским Фронтом за победу (Frente para la Victoria, FpV) и уругвайским Широким фронтом (Frente Amplio, FA). Как отмечают авторы, «эти организации пришли к власти после дискредитации традиционных партий, в контексте глубокого социального кризиса, продолжавшегося три десятилетия». Они были вынуждены начать процесс «политической перекоfiguration», добавляя и меняя различные партийные традиции и тенденции — существовавшие ранее или возникшие в ходе политического кризиса» (р. 84).

Приход к власти FA — это кульминация долгого развития этой организации, связанной с усилением умеренных тенденций в левом движении при сохранении четкой корреляции с левой идеологией. С другой стороны, FpV был фракцией меньшинства традиционной партии и характеризовался именно отсутствием определенной идеологии. Как это ни парадоксально, но киришнеризм сам определил себя как явление, выросшее «из левого поворота». Однако это не означало разрыв с Хустисиалистской партией (Partido Justicialista, PJ) как с традиционной и институционализированной силой. В то же время новая перонистская структура характеризовалась неформальностью и отсутствием развитых бюрократических структур.

Таким образом, ФА необходимо было стать более умеренным, чтобы адаптироваться к интересам электората, а ФрV потребовалось обрести лицо в новых обстоятельствах. Для левых, прочно связанных с традиционными программами, необходимо было трансформировать их, чтобы привлечь широкие слои населения, максимально сократив обычную догматику. Что касается Аргентины, то в деятельности Карлоса Сауля Менема надо отметить глубочайший эксперимент с претворением в жизнь структурных реформ, которые привели к развалу партийной системы и масштабным народным волнениям 19 и 20 декабря 2001 г. В Уругвае неолиберальные реформы были более умеренными, и новые акторы охотно шли на сотрудничество с ФА. В итоге в начале XXI в. в стране был сформирован «прогрессистский блок, оппозиционный неолиберализму», и в конечном счете началось постоянное и прогрессирующее наступление ФА на политическом фронте. С другой стороны, ФрV получил власть, будучи политически крайне слабым. Н.Кишнер являлся губернатором маргинальной провинции (Санта-Крус) и был вынужден опираться на одного из перонистских каудильо — уходящего президента Эдуардо Дуальде. Н.Кишнер завоевал президентство с 22,24% голосов, поскольку его противник К.Менем снял свою кандидатуру. Чтобы выйти из положения, Н.Кишнер избрал путь «разрыва и конфронтации с прошлым» (р. 75). Официальной доктриной были провозглашены антинеолиберализм и обновление политики (р. 88).

Накануне прихода к власти ФА совершил крутой вираж — он перестал быть партией авангардистской, антиимпериалистической, с антиолигархической ориентацией, превратившись в организацию, за которую голосует большинство с умеренной идеологией, став силой демократической, народной и прогрессистской. В целом можно ска-

зать, что ФА совершил центристскую эволюцию. Другими словами, накануне победы своего лидера, социалиста Табаре Васкеса, человека, олицетворявшего консенсус всех секторов оппозиции (2004 г.), ФА «смог достичь равновесия между сохранением ядра своей социальной базы и электоральной экспансией» (р. 90).

В свою очередь Н.Кишнер использовал антинеолиберальный потенциал перонистских левых, усиленный участием «перонистской молодежи» 70-х, тем самым сплотив вокруг себя многих бывших перонистов, возвращавшихся «под родные знамена» в начале XXI в. Н.Кишнер разорвал традиционную доктрину «перонизм — антиперонизм», оставлявшую за скобками деление на левых и правых. Все «правое» он связал с диктаторским и неолиберальным прошлым, а «левое» — с «национальным и народным движением», состоящим из средних слоев и трудящихся, с организациями «пекетерос», с движением за права человека, прогрессивными интеллектуалами и небюрократическим синдикализмом (р. 90—91).

Ключевым моментом для последующих событий стал «конфликт между национальными правительством и аграриями в 2008 г. Именно в это время возникают первые расколы под крышей прогрессистского альянса» (р. 90—91).

Однако левоцентристская позиция была довольно быстро отвергнута из-за необходимости договариваться с местными перонистскими лидерами по вопросам контроля над территориальными структурами и взаимодействия с традиционным профсоюзным движением.

Усиление традиционного перонистского аппарата в 2006—2010 гг. выразилось в возвращении традиционного «простого» деления всей национальной политики на перонизм и антиперонизм. Однако значение левоцентристского неперонистского электората никто не преуменьшал, и новая перонистская

элита считала его очень полезным в ходе предвыборных кампаний.

Институционализация левоцентризма началась с сентября 2010 г., когда после смерти Н.Киршнера стал формироваться «миф К». Киршнер представлял в нем «пророком, который внедрил левый поворот в национальную политику» (р. 93). Этот миф во многом оправдал сотрудничество левых интеллектуалов с правительством, несмотря на принятие неверных, с точки зрения левых, законов (Закон против терроризма и др.). Таким образом, левоцентризм был институционализирован, несмотря на крупные организационные проблемы. Этот процесс вписывался в важнейший мегатренд аргентинской политики: возрождение роли государства в партийно-политической жизни (р. 99).

В Уругвае приход к власти харизматического лидера левых сил Хосе Мухики вместо умеренного Табаре Васкеса был вызван своеобразной «надеждой на левый поворот». При этом, в отличие от аргентинского случая, в рядах уругвайского фронта, «ощущалось живое присутствие различных партийных секторов и социальных движений, способных на автономные действия и даже готовых действовать против правительства, если его политика выйдет за рамки программы, согласованной на основе консенсуса» (р. 97).

Особое значение для развития политической системы Аргентины и Уругвая имели реформы избирательной системы, причем главную роль в предвыборном процессе стали играть первичные внутрипартийные выборы (2009 г.). При этом в Аргентине возобладали «перонистский азарт», стремление действовать по принципу «все или ничего» (р. 100). Все это было следствием логики борьбы «сильных личностей» внутри хустисиализма. Так, в 2009 г. речь шла о противостоянии киршнеризма и Э.Дуальде, представителя традиционной элиты. Так как по новому закону от

партии мог выдвигаться один кандидат, другие оставались за бортом предвыборной гонки. Победа К.Фернандес де Киршнер на вторых выборах была обусловлена именно новой логикой законодательства.

В отличие от Аргентины, борьба Хосе Мухики на праймериз против Данило Астори была тяжелой и ожесточенной. Но в конечном счете разные фракции Широкого фронта примирились: «конфигурация фронта, учитывающая его плюралистическую организацию, стала более устойчивой благодаря учету разнообразных оттенков» (р. 103). Внутренняя конкуренция в коалиции в итоге сделала организацию более подготовленной к всеобщим выборам.

Укрепление позиций правительств в Уругвае и Аргентине на рубеже второго десятилетия XXI в. способствовало «их самоопределению как левых и левоцентристских, а это было крайне неблагоприятным фактором для оппозиции и ее руководителей» (р.103). Свою альтернативу с определенной идеологической окраской они так и не смогли предложить.

Сам «левый поворот» в Аргентине авторы объясняют во многом случайным стечением обстоятельств, но главными из них называется позиция основного соперника Н.Киршнера внутри перонизма — Э.Дуальде, который «опирался на политические ценности, характерные для правой ориентации» (р. 104).

Таким образом, киршнеристское правительство использовало левую идеологию, но не применяло на практике стратегию «глубоких преобразований», заслужив симпатии «важнейшего сектора электората, который самоопределяется как прогрессистский» (р. 104).

В итоге левые силы Латинской Америки продемонстрировали высокую степень адаптации к глобальным и региональным трансформациям и способствовали продвижению новых перспектив для левой альтернативы не только в латиноамери-

канском, но и в европейском политическом пространстве.

Подводя итоги, следует отметить, что сборник отличается характерным объективным подходом, лишенным политической ангажированности и отражающим реальное состояние левых сил в Латинской Америке. К примеру, «левый поворот» перонизма оценивается как своеобразный момент политической конъюнктуры, которая может довольно быстро придать националистическому популизму иной вектор. Подчеркивается, что благодаря киршнеризму традиционный перонизм стал более гибким. Характерно, что проявлявшаяся периодически риторическая левизна на деле больше была направлена на укрепление позиций крупного аргентинского национального капитала и лояльных транснациональных корпораций, чем на внутренние социальные изменения.

В отношении Уругвая четко выделена политика институализации процедур согласования позиций внутри влиятельных левых и альтернативных сил.

Материалы книги ярко отражают своеобразие политических процессов в Аргентине, Уругвае и других странах Латинской Америки. Следует предположить, что речь идет о разработке различных вариантов нерадикальной альтернативной политики, которая развивается в условиях кризиса политической глобализации и усиления тех движений, которые все больше опираются на сетевые технологии мобилизации электората. Авторам сборника удалось сосредоточиться на самых важных и актуальных проблемах современных политических процессов в Южной Америке.

Aleksandr A.Slinko (aleksandr_slinko@mail.ru)

Doctor of Political Science, Professor, head of Department of international relations and world politics, Voronezh State University

New horizons of left politics

Abstract: The report analyzes the collection of articles on peculiarities of Latin America's New Left movements and parties, in Argentine and Uruguay specifically.

Key words: political parties, social movements, progressivism, kirshnerism, postneoliberalism, electoral practice.